

УДК 81'233

Измайлов А.З., Ткаченко А.В.

(г. Люберцы)

ПОСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются такие случаи взаимодействия глубинной и поверхностной речевых структур, к которым неприменима трансформационная модель как механизм переключения с поверхностного уровня на глубинный. Обобщаются и систематизируются различные типы предложений с неоднозначной глубинной структурой. Действие механизма порождения высказывания, и воздействующие на него факторы, рассматривается в контексте диалогической ситуации, как наиболее значимой составляющей коммуникативного процесса, часто исключающей возможность корректировки (в случае, например, оговорок) уже высказанной вслух мысли.

Ключевые слова: глубинная структура, поверхностная структура, речевой механизм, разветвленные конструкции, семантический компонент.

A. Izmailov, A. Tkachenko

(Lubertsy)

MODELLING OF STRUCTURAL AND SEMANTIC UNITY IN A DIALOGICAL COMMUNICATION

Abstract. The given article analyzes such cases of interaction of d- and s- structures to which transformational model as a mechanism of switching over from one level to another cannot be applied. Sentences with unclear d-structure are analyzed and systematized. Functioning of speech mechanism and factors influencing it are viewed through the context of a dialogical situation as the most important component of communication. The author states this dialogical situation often excludes the possibility of correcting the thought (in case of a slip of the tongue) which has already been pronounced.

Key words: deep structure (d-structure), surface structure (s-structure), speech mechanism, branched constructions, semantic component.

Процесс порождения речи, каким он представляется с точки зрения трансформационной (порождающей) грамматики, не сводится к построению поверхностных моделей из глубинных структур, поскольку «предметно-содержательные знания удерживаются в сознании не в виде готовых

текстов», но в виде некоего «кода», сущность которого имеет отличную от языковой форму. Путь превращения такого кода в выходную поверхностную структуру лежит, таким образом, через формирование глубинных смысловых единиц. Формальное отличие последних от готовых поверхностных моделей способствует тому, что «конечный результат процесса порождения речевого высказывания не может быть предсказан с „абсолютной точностью»» [5, с. 120]. Тем не менее, уровни или компоненты данного процесса остаются неизменными с учетом воздействия на них определенных условий и факторов как внутреннего (антропогенного), так и внешнего (экзогенного) свойства. Антропогенным фактором служит уровневая структура ментально-лингвального комплекса языковой личности (и наличие в нем лингвоинтеллектуального, лингвокогнитивного и ассоциативно-вербального уровней). Эти уровни влияют на особенность построения речевых конструкций, выбор лексических средств, адекватность восприятия собеседника, выбор стратегии и тактики речевого поведения. Экзогенным фактором является отношение к речевому партнеру и предмету речи, агрессивность или креативность ситуативной речевой среды.

Действие механизма порождения высказывания, равно как и воздействующие на него факторы, рассматривается нами в контексте диалогической ситуации, как наиболее важной составляющей коммуникативного процесса, часто исключающей саму возможность корректировки (в случае, например, оговорок) уже высказанной вслух мысли. Именно в диалоге обнаруживается истинность и глубинность мысли, поскольку в ситуации устного диалога на обдумывание отводится мало времени или его нет вовсе. Особенно это касается ответных реплик на вопрос. Так, Т. Уильямс описывает реальную речевую ситуацию, в которой его спросили, не чинят ли ему препятствий как писателю:

“Tennessee, don’t you feel that you are blocked as a writer?”

В ответ он сказал, не задумываясь, что ему всегда чинили препятствия, но его желание писать было так велико, что он всегда отметал их:

“Oh, yes I’ve always been blocked as a writer but my desire to write has been so strong that it has always broken down the block and gone past it” [9, p. 9].

Как видим, фрагмент вопросительного предложения “*blocked as a writer*” служит как бы семантической основой (кодovým компонентом) для порождения ответной фразы (ее первой части), в которой этот фрагмент повторяется без изменений. Эта семантическая основа представляет собой именную часть предикативной группы (VP) + обстоятельственный оборот. Механизм порождения ответной структуры использует операцию адъюнкции (добавления) номинативной структуры плюс базовой части предикатива (N + Vbe). Именная группа *blocked as a writer* также служит основанием

для второй и третьей частей порождаемого сложносочиненного предложения. Эта часть представляет собой ответную реакцию на заданный вопрос. В этой части структуры используются те же элементы *writer* и *blocked*, но выступающие в трансформированном виде (*writer* → *write* и *blocked* → *block* (T-omission)). При этом происходит и функциональное смещение данных слов: *write* становится частью подлежащего, а *block* переходит в разряд объекта. В других случаях коммуникант использует предикативную часть вопросительной формы (VP – (VP + NP)) для построения в качестве полного ответа полного утвердительного предложения, не прибегая к построению дополнительных сложноподчиненных конструкций, например:

“Stanley: Did you forget something?

Blanche (shrilly): Yes, I forgot something” [15, p. 29].

“Chance: Do I meet these requirements?

Princess: You seem to meet these requirements” [14, p. 45].

“Did he do all right, Sam?” his cousin Mc Caslin said.

“He done all right,” Sam Fathers said [14, c. 217].

При этом могут иметь место следующие трансформации: 1) Т-замена (change) (*I* → *you* или *you* → *I*), 2) Т-выпадение (omission) (*Do*), 3) Т-добавление (addition) (*meet* – *seem to meet*), 4) Т-времени (tense shifting) (*did* – *had done* – *done*).

Во всех анализируемых примерах основой для порождения ответной фразы является либо предикативная группа с дополнением, либо целиком взятая субъектно-предикативная группа – вместе взятые синтаксический и лексический компоненты. Что касается проявления семантического (смыслообразующего) компонента, то последний подразумевает в данном случае согласие (полное или частичное) с коммуникантом (задающим вопрос).

Повторение лексико-семантической структуры вопроса в ответной реплике может также означать проявление негативных эмоций (гнева, раздражительности или насмешки), как, например, в следующих примерах:

«Что это значит? – спросил Стрэттон

– Что значит, что значит? – прокричал в ярости голландец – Я сам хотел бы знать! Вы со своими проклятыми полицейскими заявляете сюда ни свет ни заря и принимаетесь палить ни с того ни с сего» [3, с. 73].

«Ну-с, – сказал Макс, глядя в зеркало. – Что же ты молчишь, умница?

– Что все это значит?

– Слышишь, Эл, – крикнул Макс. – Он хочет знать, что все это значит.

– Что же ты ему не скажешь? – отозвался голос Эла из кухни.

– Ну, как ты думаешь, *что все это значит*?

– Не знаю.

– А все-таки?

Разговаривая, Макс все время смотрел в зеркало. – Не могу догадаться.

– Слышишь, Эл, он не может догадаться, *что все это значит*» [9, с. 304].

Кроме того, повторение лексико-синтаксической структуры вопроса (или его финитной части) в ответной реплике может иметь характер уточнения или использоваться в качестве дополнительного времени для создания дополнительных речевых построений. В таких случаях вопросительная форма может служить ответной репликой на вопрос (модель: вопрос-вопрос):

“I suppose it’s rather ridiculous,” he owned; and as she remained silent, he added, with a sudden break – “Or have you another reason for pitying me?”

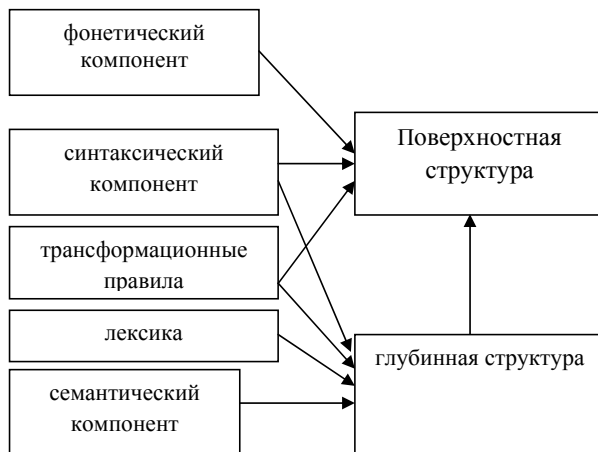
Her answer was “Have you been back to your rooms *since you left her*?”

“*Since I left her* at the station? I came straight here” [5, p. 85].

В то же время, предложения, тождественные в лексико-синтаксическом аспекте, могут быть прямо противоположными по смыслу. В качестве примера можно привести известный анекдот:

«Товарищеский суд постановил: Рабинович, оскорбивший соседа Абрамовича, обязан публично попросить прощения, сказав дословно: «Аб-

Рис. 1. Порядок взаимоотношений между компонентами речи и поверхностной и глубинной структурами

рамович – хороший человек! Я извиняюсь». Припертый к стенке Рабинович возопил, как было велено: «*Абрамович – хороший человек??? Я извиняюсь!..*» [10, с. 27].

Таким образом, формированию смысла конечной (поверхностной) фразы в немалой степени способствуют и паралингвистические средства, которые «по мнению некоторых ученых, могут составлять 75% всей смысловой информации, передаваемой в речи» [4, с. 114]. Следовательно, семантический аспект, лежащий в основании механизма речепорождения, использует готовую лексико-синтаксическую структуру (лексический и синтаксический компоненты) для реализации заданного смысла. На схеме [7, с. 271] (рис. 1) изображен порядок взаимоотношений между компонентами речи и поверхностной и глубинной структурами.

Как видно из схемы глубинную структуру определяет лексико-семантический компонент, трансформационные правила и синтаксический компонент являются связующим звеном между глубинной и поверхностной структурой, в то время как фонетический аспект относится только к поверхностной структуре.

Диалогическое общение проходит, главным образом, в трех речевых режимах: *инициативном, безынициативном, агрессивном и адаптивном*. В аспекте диалогического общения инициатива предполагает наличие у одного или обоих собеседников осознанного намерения вступить в коммуникативные отношения (часто для достижения определенной цели), а также соответствующих преимуществ при выборе предмета речи, речевого плана и речевой стратегии.

Первоначальный код смыслового блока будущего высказывания представляет собой свернутую синтаксическую модель, в основе которой лежит «функционально-синтаксическая позиция» [8, с. 164], представляющая собой синтаксическую форму слова (существительного в именительном или косвенном падеже с предлогом или без него, глагола, местоимения), выступающего в функциях субъекта, предиката, объекта, инструмента, места и т. д. Указанная синтаксическая модель содержится в мозгу в виде целой (полной) структуры. Например, если мы говорим: *Придет*, то подразумеваем и субъекта действия (он, она и т. д.) или если мы говорим: *Она вернется*, то подразумеваем также и место действия (домой, на родину и т. д.). В то же время грамматическая полнота глубинной структуры может не иметь место в случаях, где предикат выражается с помощью функциональных семантически нерелевантных глаголов (например, глагола *have*, как показателя Present Perfect), например: *We seen it happen* (вместо *we have seen it happen*) [12, р. 126]. То есть, если функциональный глагол *have* отсутствует в конечной структуре говорящего, то его нет и в глубин-

ной структуре. То же самое справедливо по отношению к порядку слов в конечной структуре, в частности, в сложных предложениях, базовые части которых располагаются в том порядке, в котором они представлены в глубинной структуре: *Try their car and see will it run* (вместо *try their car and see if it will run*) [12, p. 126]. Именно на уровне глубинной структуры формируется связь между лексико-грамматическим значением слова (функционально-синтаксической позиции) и его формальным выражением (лексико-синтаксический компонент речепорождения). Формированию синтаксического компонента предшествует постановка цели речевого взаимодействия, которая в лексическом аспекте может представлять собой одну единственную ключевую позицию. Эта ключевая позиция, слово, находит выражение в одной из поверхностных структур, составляющих высказывание активного коммуниканта, ведущего диалог в инициативном режиме. Приведем пример диалога из рассказа Ф. О'Коннор "The Lame Shall Enter First". Главный герой повествования Шепард хочет убедить опекаемого им беспризорника Руфуса Джонсона остаться у него дома. При этом для Руфуса диалог проходит в безынициативном режиме, поскольку он не отвечает на реплики Шепарда или дает односложные ответы:

"He (Sheppard) had to give himself time to think, to decide how he could ask the boy so that he would stay. He couldn't force him to stay. It would have to be voluntary. Johnson pretended not to like him. That was only to uphold his pride, but he would have to ask him in a way that his pride could still be upheld... He was going to risk everything in one blow.

"Rufus," he said, "I've got a problem. I need your help."

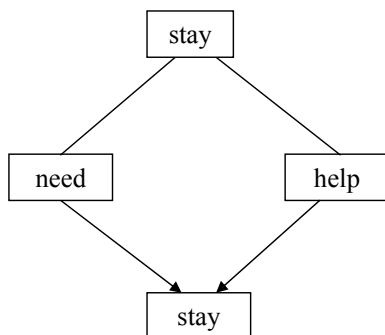
Johnson looked up suspiciously.

"Listen," Sheppard said, "we need another boy in the house."

There was a genuine desperation in his voice. "Norton here has never had to divide anything in his life. He doesn't know what it means to share. And I need somebody to teach him. How about helping me out? Stay here for a while with us, Rufus. I need your help." The excitement in his voice made it thin" [13, p. 456].

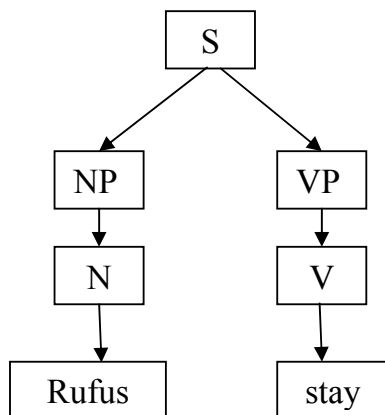
Как видно из отрывка, ключевым словом, выражающим целевую установку, служит глагол *stay*. Это слово появляется в побудительной конструкции, почти в завершающей части реплики Шепарда и предваряется объяснением, включающим другие ключевые слова *need* и *help* (*helping*), которые появляются в речевом фрагменте четыре и три раза соответственно. Использование этих ключевых позиций призвано смягчить побудительную конструкцию с целевым словом *stay*. Указанные слова не просто повторяются (лексический повтор), но повторяются в сходной конструкции (синтаксический повтор). Схематически это может быть представлено следующим образом (рис. 2):

Рис. 2. Лексический и синтаксический повтор

Очевидно, изначально, у Шепарда формируется некий смысловой код с главным компонентом *stay* (выражающим действие), которое связано предикативной связью с предполагаемым исполнителем указанного действия Руфусом Джонсоном. Глагол *stay* выражает главную коммуникативную цель диалога и определяет речевую стратегию, под которой мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение конечной коммуникативной цели» [2, с. 105]. Наличие цели и стратегии (выражаемое одним конкретным словом) придает диалогу осмысленность и является, по сути, семантическим компонентом речевого взаимодействия. Первичная глубинная синтаксическая структура будущего высказывания, таким образом, имеет следующий вид (рис. 3):

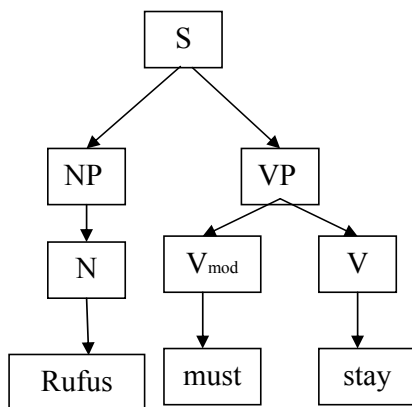
Рис. 3. Первичная глубинная синтаксическая структура будущего высказывания

Эта структура отражает базовую (ядерную) модель, представляющую собой основу для дальнейших трансформационных процессов и порождения новых предложений (тактических речевых действий). В другом структурном варианте этой модели может быть использован модальный глагол, эксплицитно выражающий целевую установку говорящего. (См. рис. 4)

Использование модального глагола обусловлено двумя причинами: 1) субъективной (внутренней установкой говорящего) и 2) объективной (преодолением негативного отношения слушающего по отношению как к говорящему, так и к предмету диалога). После установления базовой синтаксической модели начинается правостороннее развертывание с добавлением адвербиальной конструкции (функционально-синтаксической единицы места), выражаемой наречием и сочетанием предлог + существительное, и затем функционально-синтаксической единицей времени, выражаемой сочетанием предлог + существительное. В результате начальная модель преобразуется в пропозицию следующего вида: *Rufus (must) stay here with us for a while*. Тактика убеждения, используемая Шепардом, предполагает использование побудительной конструкции с перемещением обращения в конец предложения (таким образом усиливается эффект воздействия). Таким образом, конечная модель на выходе будет иметь вид: *Stay here for a while with us, Rufus*. Эта модель выражает первоначальную стратегическую цель диалога и хранится в свернутом виде до момента ее звуковой репрезентации (фонологический аспект), завершая процесс порождения речевого отрезка.

Рис. 4. Модальный глагол, эксплицитно выражающий целевую установку говорящего

Описанная выше тактика речевого поведения отражает мотивационный (контактоустанавливающий) уровень структуры языковой личности.

Первоначальным смысловым кодом, отражающим семантический аспект речевой тактики (например, тактики запугивания или угрозы) может служить цельный лексико-синтаксический блок, представляющий как поверхностную, так и глубинную структуру. Стилистической особенностью воспроизведения такого лексико-синтаксического блока, отражающего целевую установку говорящего, может быть (как и в предыдущем примере) прием повтора:

“Listen”, Jimmy breathed, – “if you tell anybody what you heard, *I’ll kill you*. I’ll get at you and *I’ll kill you*. You’re said *I killed Hopper*, well, if I can be a murderer once I can be one twice”.

“You’re hurting you’re breaking me”.

“They won’t believe you anyway. It’ll only be your word against mine because that paper doesn’t say what the money was for and they can’t prove anything. But *I’ll kill you* just the same, *I’ll kill you*, *I’ll kill you*” [14, p. 180].

Глубинная структура высказывания в приведенном выше примере существует у говорящего в виде готового структурно-смыслового блока *Ns + V + Nob* или формулы *R2OR1OR4R2O* [7, с. 305]. Дальнейшее развертывание первоначального смыслового блока реализуется в придаточных условиях, цель использования которых – усиление и дополнение основного предложения (*I’ll kill you*). Повторение ядерного предложения в первой реплике говорящего отражается и в ответной реплике оппонента, в которой используется параллельная синтаксическая структура с использованием настоящего продолженного времени (*You’re hurting you’re breaking me*). В данном случае со стороны активного говорящего (Jimmy) диалог проходит в агрессивном речевом режиме, в то время как со стороны оппонента наблюдается попытка речевой адаптации.

Цель многократного использования говорящим (в частности агрессивным настроенным) приема повтора – навязать речевому оппоненту синтаксическое и смысловое построение:

«Хейз сел на ручку сиденья.

– Я из *Истрода*, – сказал он.

– Это на другой линии, – буркнул проводник. – Вы перепутали поезд.

– Я еду в город. Я только сказал, что вырос в *Истрод*е.

Проводник ничего не ответил.

– *Истрод*, – громче повторил Хейз.

Проводник резко опустил шторку.

– Хотите, чтобы я вам сейчас постель расстелил, или чего вы тут встали?

– *Истрод*, – сказал Хейз. – Возле Мэлси.

Проводник стал поправлять край чехла на сиденье.

– *А я из Чикаго*, – ответил он и поправил другой край» [6, с. 9].

Инициатива в диалоге, начатая Хейзом и выражаемая в структуре первого предложения находит подтверждение в тождественной реплике оппонента: $S1 \rightarrow S2 \rightarrow N + VP$ (*prep + N*).

Слова, вызывающие ответную эмоциональную реакцию речевого оппонента, не обязательно являются ключевыми (как в смысловом, так и в структурном отношении). Тем не менее, эти слова представляют собой «пусковой» механизм речепорождения и называются *bias-words* или *trigger-words* [7, с. 72]. Приведем пример эмоционального воздействия таких слов на речевого оппонента:

«Как бы вы сами не слегли, – говорит Дилси. – Вид у вас – будто с того света. Идите-ка в постель, я вам *стаканчик* пунша сделаю, и спите себе. Небось, за все эти разезды ни разу не выпались.

– Никаких *стаканчиков*, – говорит матушка. – Разве ты не знаешь, что доктор не велит? Зачем ты потворствуешь ему? Вся его болезнь в этих *стаканчиках*. Ты на меня взгляни, я тоже ведь страдаю, но я не так слабохарактерна, и я не пью, не свожу себя в могилу этим виски» [8, с. 207].

В приведенном примере слово, вызвавшее негативную ответную реакцию, повторяется дважды в реплике оппонента (хотя и в трансформированном виде) и инициирует появление слов ассоциативного ряда (*виски, пью*).

Ключевые слова, содержащие основную идею высказывания, расположены, как правило, в середине или в конце структуры. Они могут употребляться в составе повторяющихся структур, для экспрессивности. Эти слова или словосочетания, как и в вышеуказанном примере, также могут служить основой для построения ответной фразы речевого оппонента:

– Я должен показать тебе это, – произнес он хрипло. – Я могу показать это только тебе. *Мне был знак*, когда я увидел, как ты подъезжаешь к бассейну. Утром я почувствовал, что кто-то придет, и когда я увидел тебя у бассейна, *мне был знак*.

– Мне нет дела до твоих *знаков*, – сказал Хейз.

– Я хожу туда каждый день, но не мог никого взять с собой. Мне надо было дождаться *знака*. Я скажу тебе их адрес, как только ты это увидишь. Как только увидишь это, что-то *случится*.

– Ничего не *случится*, – ответил Хейз [6, с. 69].

В приведенном примере оппонент настроен агрессивно по отношению к собеседнику, не проявляя инициативы в диалоге. Его ответные реплики строятся на использовании ключевых слов и образовании с ними негативных конструкций.

Ответная реплика оппонента может также представлять собой дальнейшее развитие (уточнение) мысли говорящего в рамках заданной речевой структуры. Это уточнение может носить антонимический характер, т. е. утверждать мысль противоположную высказанной (тактика несогласия):

“Yeah,” Tal Whitman said, “for all intents it might as well be a god. It has all the powers of a god, doesn’t it?”

“Or a devil,” Lisa said [12, p. 416].

Таким образом, семантический компонент глубинной структуры первоначальной реплики выражен словом *a god* в составе предложения “*it might well be a god*”. Здесь ключевое слово инициирует построение ответной реплики, основанием которой является слово антонимичное слову *a god* – *a devil*. Правила речевой экономии диктуют построение эллиптической конструкции. Со стороны обоих говорящих диалог проходит в инициативном режиме.

В большинстве диалоговых ситуаций представляется затруднительным определение ключевого слова или фразы, которые могут отражать смысловую глубинную установку говорящего (семантический компонент речевого построения). Тем не менее, существует немало диалогов, в которых четко прослеживается взаимообусловленность реплик оппонентов, когда слово, словосочетание или даже целое предложение служат предпосылкой порождения ответной речевой структуры. Это характерно, во-первых, для вопросно-ответных структур, в которых сам вопрос служит основанием (синтаксическим, лексическим и смысловым) для порождения ответной структуры, во-вторых, для вопросно-вопросных структур, в которых вопрос или его финитная часть используется речевым оппонентом для уточнения смысловой части вопроса и, в-третьих, для таких диалогических ситуаций, в которых говорящий использует для порождения предложения или фразы ключевое слово, предложение или синтаксическое построение исходной структуры. Это слово или словосочетание представляет собой эмоционально-смысловой (семантический) компонент глубинной синтаксической структуры и выражается, как правило, номинативом или предикатом или номинативными и предикативными группами. В свою очередь слушающий использует воспринимаемый семантический компонент (слово, словосочетание или целое предложение) по своему усмотрению может использовать или не использовать его в построении ответной реплики. При этом необходимо учитывать активность коммуникантов (отправителя и акцептанта исходной информации), которая выражается в их отношении друг к другу и предмету речи. Это отношение может иметь характер агрессивности или толерантности и заинтересованности (и, как следствие, проявление инициативности), или незаинтересованности (отсутствие проявления инициа-

тивности). При определении соотношения взаимодействия компонентов в процессе речепорождения важны паралингвистические средства (интонация, мимика и жесты).

Литература:

1. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 218 с.
3. *Мозм С.* Избранная проза. Сборник: на англ. яз / Сост. Н.А. Самуэльян. – 4-е изд. – М.: Издательство «Менеджер», 2004. – 288 с.
4. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Издательство МПУ «Народный учитель», 2001. – 282 с.
5. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 351 с.
6. *О'Коннор Ф.* Мудрая кровь / Пер. с англ. Д. Волчека, Т. Ивановой, М. Куренной, И. Менделеевой. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 288 с.
7. *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
8. *Фолкнер У.* Авессалом, Авессалом! Роман: на англ. яз. – М.: Прогресс, 1982. – 416 с.
9. *Хемингуэй Э.* Избранное. – М.: Просвещение, 1984. – 304 с.
10. *Шендерович В.* Антология сатиры и юмора России XX века. – М.: Изд-во Эксмо, 2000. – 608 с.
11. *Büthe T. and Mattli W.* The global rulers. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 301 p.
12. *Koontz D.* Phantoms. – New York, Berkley Books, 2002. – 434 p.
13. *O'Connor F.* The Complete Stories. – New York. Farrar, Straus and Giroux, 1984. – 555 p.
14. *Wain J.* The smaller sky. London: Macmillan, 1967. – 84 p.
15. *Williams T.* A street car named desire. Published by the Penguin Group, London, 1959. – 313 p.